

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

1

В Петербурге Прохор Петрович сумел многое сделать. Побывал на огромном машиностроительном заводе, где по одобренным Протасовым чертежам заказал для своей электростанции турбину в пять тысяч киловатт, побывал в горном департаменте, чтоб посоветоваться о выписке из Америки драги для золотых приисков. Наконец разыскал поручика Приперентьева, которому перешел по наследству от брата золотonosный, остолбленный в тайге участок.

Поручик Приперентьев жил в двух комнатах на Моховой, у немки; ход чрез кухню. Неопрятный с сонным лицом денщик, поковыривая в носу, не сразу понял, что от него хочет посетитель. Прохор дал ему два рубля — денщик мгновенно поумнел и побежал доложить барину. Поручик принимал Прохора в прокуренной, с кислым запахом комнате. У него одутловатое лицо, черные усы, животик и, не по чину, лысина. Поручик тоже не сразу понял цель визита Прохора и, наконец, кое-что уяснив, сказал:

— Ни-ко-гда-с... Я выхожу в отставку. Впрочем... черт!.. Ну, что ж... У меня как будто водянка, как будто бы расширение сердца... Словом, понимаете? Да. Выхожу в отставку и еду сам в тайгу, на прииск...

Прохору было очевидно, что поручик ошарашен его появлением, что поручик давным-давно забыл о прииске и теперь нарочно мямлит, придумывая чепуху.

— Для эксплуатации участка нужен большой капитал. Вы его имеете? — ударил его Прохор вопросом в лоб.

Поручик Приперентьев схватился за голову, попятился и сел.

— Прошу, присядем. Насчет капиталов — как вам оказать?... И да, и нет... Впрочем... скорей всего — да. Я женюсь... Невеста с приличным состоянием... Сидоренко! Кофе...

Поручик наморщил брови, надул губы и с независимым видом стал набивать трубку.

— Впрочем... Знаете что? Кушайте кофе. Сигару хотите? Впрочем... у меня их нет... Этот осел денщик! Тьфу!.. Знаете что? Приходите-ка сегодня ко мне вечером поиграть в банчок. В фортуна верите, в звезду? Ага! Можете выиграть участок в карты. Я его ценю в сто тысяч.

— Я бы мог предложить вам тыщу...

— Что? Как?! — Поручик выпучил продувные, с наглинкой глаза и прослезился.

— Тыщу, — хладнокровно сказал Прохор, отодвигая чашку с кофе. — В сущности вы потеряли на него все права... Эксплуатации не было около двадцати лет, срок давности миновал. Но мне не хочется начинать в департаменте хлопоты об аренде... Я желал бы сойтись с вами...

Из рук в руки...

— Впрочем... Это какой участок? Вы про какой участок изволите говорить?

— Как — про какой? Да в тайге, золотиносный...

— Ах, тот! — басом закричал поручик и завертел головой. — Семьдесят пять тысяч...

Ха-ха... Да мне в прошлом году давали за него двести тысяч... Я был при деньгах, сделкой пренебрег...

— Кто давал?

— Золотопромышленник Пупков Петр Семенович.

— Такого нет.

— В этом роде что-то такое, понимаете: Пупков, Носков, Хвостов... Знаете, такой с бородкой. Итак, семьдесят пять тысяч...

— Тыщу...

— Я шуток не люблю. Впрочем, я кой с кем посоветуюсь. Позвоните завтра 39—64. Адье... Мне в полк... Эй, Сидоренко!..

Прохор, конечно, не звонил и больше с поручиком не видался. А Яков Назарыч, угостив Сидоренко в трактире водкой, пивом и яишенкой с ветчинкой, выведал от него необходимое. Барин — мот, картежник, пьяница, иногда при больших деньгах, но чаще пробивается займом деньжат по мелочам: то у хозяйки Эмилии Карловны, то у несчастного денщика, Сидоренко. Недавно барин сидел на гауптвахте, недавно барина били картежники подсвечником по голове, а на другой день барин избил ни в чем не повинного денщика. Надо бы пожаловаться по начальству, да уж бог с ним.

Рассказывая так, подвыпивший Сидоренко горько плакал.

И ровно в двенадцать Прохор Петрович был на приеме у товарища министра. В новом фраке, с цилиндром в руке, слегка подпудренный, с усами и бородкой, приведенными в «культурный вид», он стоял в приемной, любясь собою в широком, над мраморным камином, зеркале.

— Их превосходительство вас просят.

Прохор, с высоко поднятой головой, вошел в обширный, застланный малиновым ковром кабинет. Сидевший за черным дубовым столом румяный старичок, в партикулярном сюртуке, с орденом Владимира на шее, указал ему на кресло. Прохор поклонился, сел. Старичок метнул на него бывалым взглядом, потерял крашеную свою бородку, снял очки.

— Я вас принял тотчас же потому, что знаю, кто вы. Излагайте.

Прохор изложил дело устно и подал докладную записку.

— Ага, — сказал старичок и мягко улыбнулся. — Хорошо-с, хорошо-с... Зайдите дня через три... Впрочем, чрез неделю. Вы не торопитесь? Итак, чрез неделю, в четыре часа ровно... — И он сделал в календаре отметку.

Прохор встал. Старик протянул сухую, в рыжих волосинках руку. Прохор сказал:

— Могу ли я, ваше превосходительство, надеяться, что моя просьба будет уважена?

— Гм... Сразу ответить затрудняюсь. Дело довольно туманное. Знаете, эти военные. Этот ваш, как его... Запиральский...

— Приперентьев, ваше превосходительство.

— Да, да... Приперентьев... Ну-с... — Румяный старичок широко улыбнулся, обнажая ровные, блестящие, как жемчуг, вставные зубы. — Я передам вашу записку на заключение старшего юрисконсульта, он по этой части дока. Надо надеяться, молодой человек. Надо надеяться.

Ровно через неделю, в четыре часа Прохор вновь был у товарища министра. Старик на этот раз — в вицмундире, со звездой, поэтому при встрече вел себя с подобающим величием.

— Ну-с? Ах, да. Садитесь, — сухо и напыщенно проговорил он. — Вы, кажется... Вы, кажется... По поводу...

— По поводу отобрания от поручика Приперентьева золотосного участка и передачи его мне, ваше превосходительство.

— Да, да... Великолепно помню. Столько дел, столько хлопот. Бесконечные заседания, комитеты, совещания... С ума сойти... — Он произнес это скороговоркой, страдальчески сморщившись и потряхивая головой. — По вашему делу, милостивый государь, наводятся некоторые справки. У нас в столице подобные дела вершатся слишком, слишком медленно... Море бумаг, море докладов... Гибнем, гибнем! Придите через неделю. Но, предваряю вас: розовых иллюзий себе не стройте — поручик Приперентьев подал встречное ходатайство... А что у вас большое дело там дома?

— По нашим местам, солидное...

— Оборотный капитал?

— Миллионов десять — двенадцать, ваше превосходительство.

Сановник вдруг поднял плечи, вытянул шею и быстро повернулся лицом к Прохору, сидевшему слева от него.

— О! — поощрительно воскликнул он, и все величие его растаяло. — Похвально.

Очень, оч-чень похвально, милостивый государь. Итак... — Он порывисто поднялся и заискивающе пожал руку Прохора.

Представительный, весь в позументах, в галунах швейцар, подавая пальто, спросил Прохора:

— Ну как, ваша честь, дела, осмелюсь поинтересоваться?

— Не важны, — буркнул Прохор и вспомнил давнишний совет Иннокентия Филатыча: «Швейцарец научит либо лакей, к нему лезь». Широкобородый седой швейцар, похожий в своей шитой ливрее на короля треф, взвешивал опытным взглядом, в каких капиталах барин состоит. Прохор сунул ему четвертной билет и пошел не торопясь к выходу. Швейцар, опередив его, отворил дверь и, низко кланяясь, забормотал:

— Премного, премного благодарен вам, ваша честь. И... дозвоьте вам сказать... В прихожей-то неудобственно, народ. Мой вам совет, в случае неустойки али какого-либо промедления, действуйте через женскую, извините, часть... То есть... Ну, да вы сами отлично понимаете: любовный блезир, благородные амуры. Да-с... Например, так. Например, их превосходительство аккредитованы у мадам Замойской.

— Графиня?! — изумился Прохор, и сердце его заныло. Пред глазами быстро промелькнули: Нижний Новгород, ярмарка, зеленый откос кремля, воровская шайка. — Замойская? Графиня?

— Без малого что да. Баронесса-с... И соблаговолите записать их адресок.

Меж тем кончился срок выsidки Иннокентия Филатыча. Прохор без него скучал. Яков Назарыч целиком ушел в дела, к нему насчет «прости господи» — не подступись. А тот веселый старикан с выдумкой — авось какое-нибудь легкое безобразие вкупе с ним и сотворили бы. Да, жаль... И угораздило же черта беззубого порядочным людям носы кусать...

Утром постучали в номер. Вошел верзила в форме тюремного ведомства. Морда бычья, с перекосом. Не то улыбнулся, не то сморщился, чтобы чихнуть, и подал розовый, заляпанный масляными пятнами пакетик:

— Письмо-с! От именитого сибирского золотопромышленника Иннокентия Филатыча Груздева с сыновьями.

— У него — дочь вдова. Да и нет такого золотопромышленника. Чего он там?

— Извольте прочесть.

«Милый Прошенька. Прости бога дядя. Денежки твои — две с половиной тысячи которые, пропили всей тюрьмой. А то скука. Ноги мои опухли, и лик опух, а посторонних людей все-таки узнаю, не сбиваюсь. В эту пятницу привези, пожалуйста, какую-нибудь одежину по росту и сапоги, Еще какой-нито картузишко. А свое все пропито, которое украли, сижу в ресторанском халате, вша ест».

— Что же, в пятницу он выходит? — спросил Прохор, передавая письмо Якову Назарычу.

— Так точно-с... — сказал верзила, стоя во фронт и придерживая рукой шашку.

— Веселый старик?

— Очень даже-с... Уж на что помощник начальника тюрьмы, а и тот кажинный божий день два раза пьяный в доску-с. И надзиратели пьяные, и вся камера пьяная.

Прохор дал ему три рубля и отпустил. Яков Назарыч хохотал.

В день выхода старца на свободу в вечерней «Биржевке» был напечатан кляузный фельетон: «Веселая тюрьма». Талантливо описывая пьяную вакханалию в одной из петербургских тюрем, автор фельетона требовал немедленного расследования этого неслыханного дела и примерного наказания виновных, во главе с начальником тюрьмы и героем «всемирного пьянства» сибиряком И. Ф. Груздевым, заключенным в узилище за укушение носа обер-кондуктору Храпову.

Освобожденный Иннокентий Филатыч скупил около сотни номеров этой газеты и разослал ее всем знакомым с наклеенной под заметкой надписью: «На добрую память из Петербурга».

Иннокентий Филатыч чувствовал себя вознесенным на небо. Он ходил по Питеру с видом всесветно известного героя, всем улыбался, заглядывал в глаза, будто хотел сказать: «Читали? Иннокентий Груздев — это я».

— А не желаете ль, мадам, прогуляться?

— Отчего ж... С вами всегда рада. Вы вечно заняты, к вам не подступись.

Нина в белом, замазанном свежей землей халате копалась у себя в саду.

— Что? Селекционные опыты, гибриды, американские фокусы? — присел возле нее на скамейку Андрей Андреевич Протасов.

— Да. Вот поглядите, какой удивительный кактус... Совершенно без колючек. Чудо это или нет? Где вы видели без колючек кактусы?.. Ну, ну?

— А какая разница: в колючках эта дрянь или без колючек? Трава — не человек.

— Во-первых, это не трава. А во-вторых...

— А во-вторых, я очень жалею, что у вас, в вашем характере нет ни одной колючки. А не мешало бы...

— Зачем?

— Ну, хотя бы для того, чтоб больно, в кровь колоть. Ну, например... Кого же? Ну, вашего супруга например... Простите меня... За его беспринципность... За его, я бы сказал... ну, да вы сами знаете, за что...

Нина выпрямилась, бросила железную лопатку, и ее стоптанные рабочие башмаки стали носками круто врозь.

— Да как, как?! — горячо, с горестью воскликнула она. — Ах, если бы он был кактус, жасмин, яблоня!.. Тогда можно было бы привить, облагородить... Но, к сожалению, он человек. Да еще какой: камень, сталь!

— Вы спрашиваете меня — как? Хм. — Протасов улыбнулся и стал в смущении ковырять землю тросточкой. — Важно, чтоб в вашем сознании созрела мысль бить силу силой, убеждения контрубеждениями. А как именно — то есть вопрос тактики?.. Хм... Простите, я в это не имею права вмешиваться... Уж вы как-нибудь сами, своим умом и сердцем.

Их глаза встретились и быстро разошлись. Нина, вздохнув, сказала:

— Пойдемте, я покажу вам мои успехи.

Они двинулись дорожкой. Инженер Протасов вяло и расхлябанно, Нина — четкой, быстрой ступью. Миновали две гипсовые статуи Аполлона и Венеры с отбитыми носами, обогнули стоявшую на пригорке китайскую, увитую диким виноградом беседку, очутились в обширном фруктовом саду, обнесенном высоким забором с вышкой для караульного. Длинные, ровные, усаженные ягодами гряды и ряды молодых плодоносных деревьев.

— Где это видано, чтоб в нашем холодном краю могли расти яблоки, вишни, сливы?.. Вот они! Сорвите, покушайте. А вот малина по грецкому ореху, а вот созревающая ежевика. Особый ее сорт, я очень, очень благодарна мистеру Куку.

— В сущности не ему, а Лютеру Бербанку. Так, кажется?

— Да, главным образом, конечно, и ему — этому знахарю, этому «стихийному дарвинисту», как его называют в Америке. Но, если б не мистер Кук, я о существовании Бербанка и не подзревала бы.

Действительно, мистер Кук, безнадежно влюбленный в Нину, заметив в ней склонность к садоводству, еще года три тому написал из Америки и подарил ей к именинам великолепное, в двенадцати томах, издание «Лютер Бёрбанк, его методы и открытия», с полуторатысячью цветных, художественно исполненных таблиц, освещающих этапы жизни этого гениального ботаника-самоучки из Калифорнии.

Инженер Протасов о подарке знал и это сочинение с интересом рассматривал, но он не мог подозревать, что вскоре после поднесения подарка мистер Кук, при помощи угроз убить себя, вымолил у Нины вечернее свидание. Тайная, неприятная для Нины встреча состоялась в кедровой роще, недалеко от башни «Гляди в оба». В чистом небе плыл молодой серп месяца, прохладный воздух пах смолой. Мистер Кук поцеловал Нину руку, упал пред нею на колени и заплакал. Нину била лихорадка. Мистер Кук от страшного волнения потерял все русские слова и, припадая высоким лбом к ее запыленным тувелькам, что-то бессвязно бормотал на непонятном Нине языке. Нина подняла несчастного, держала его похолодевшие руки в своих горячих руках, сказала ему:

— Милый Альберт Генрихович, дорогой мой! Я ценю ваши чувства ко мне. Я вас буду уважать, буду вас любить, как славного человека. Не больше.

— О да! О да! На чужой кровать рта не разевать!.. — в испуге заорал мистер Кук, резко рванулся, выхватил из кармана револьвер и решительно направил его в свой висок. Нина с визгом — на него. Он бросился бежать и на бегу два раза выстрелил из револьвера в воздух, вверх. Вдруг вблизи раздался заполошный женский крик.

— Помогите, помогите! Караул! — И чрез просветы рощи замелькали пышные оборки платья вездесущей Наденьки, мчавшейся к башне «Гляди в оба».

Об этом странном происшествии инженер Протасов, конечно, ничего не знал. Забыла бы о нем и Нина, если б не шантажистка Наденька. Время от времени она лстливой кошечкой является в дом Громовых, получает от хозяйки то серьги, то колечко, то на платье бархату и всякий раз, прощаясь, говорит:

— Уж больше я вас не потревожу.

А мистер Кук, если б обладал даром провидца, может быть, и не стал бы стрелять из револьвера по-пустому вверх, он, может быть, и сумел бы тогда привести свою угрозу в исполнение. Он не мог предполагать, что предмет его неудачных вожделений — Нина — давно таит в своем сердце любовь к счастливому Протасову.

Однако это чувство, полузаконное, но прочное, загнано Ниной на душевные задворки, затянуто густым туманом внутренних противоречий разума и сердца, пригнетено тяжелым камнем горестных раздумий над тем, что скажет «свет». Словом, чувство это было странным, страшным и таинственным даже для самой Нины. Неудивительно поэтому, что не только простоватый на жизненные тонкости мистер Кук, но и сам вдумчивый, внимательный Протасов не мог помыслить о том, что таится в сердце всегда такой строгой к самой себе, пуритански настроенной хозяйки. А между тем и сам Андрей Андреевич Протасов был слегка отравлен тем же самым дивным ядом, что и мистер Кук. Но принципы... Прежде всего принцип, целеустремленность — те самые идеи, в сфере которых

он существовал, и, скованный иными, чем у Нины, настроениями, он ставил эти захватившие его идеи превыше всяческой любви.

Так существовал скрытый до поры тайный лабиринт пересечений от сердца к сердцу, от ума к уму. А над всем стояла сама жизнь с ее неотвратимыми законами, их же не прейдет ни один живой.

— Да, да... Очень прекрасные яблоки!.. А сливы еще вкусней, — смачно чавкая, говорил Протасов. — Ну что ж... Новая положительная ваша грань... Вообще вы...

— Что?

Инженер Протасов вытер о платок руки, вытер бритый строгий рот и бесстрастно взглянул чрез пенсне в большие, насто-рожившиеся глаза Нины.

— Вы могли бы быть чистопробным золотом, но в вас еще слишком много лигатуры.

Глаза Нины на мгновенье осветились радостью и снова за-грустили.

— Лигатура? То есть то, что нужно сжечь? Например?

— Сжечь то, что вам мешает быть настоящим человеком. Сжечь детскую веру в неисповедимую судьбу, во все сверхъестественное, трансцендентное...

— Выгнать отца Александра, церковь обратить в клуб и... и на-всегда ограбить свою душу... Так? Благодарю вас!

— Ваш интеллект, я не скажу — душа, нимало не будет ограб-лен. Напротив, он обогатится...

— Чем?

— Свободой мировоззрения. Вы станете на высшую сту-пень человека. Вы не будете подчинять свое «я» выдуман-ным людьми фетишам, заумным фатаморганам, вы вознесете себя над всем этим. Ведь истина всегда конкретна. Устремления ва-шего разума сбросят путы, цель вашей жизни приблизится к вам, станет реальной, исполнимой, вы вольной волей забу-дете себя и вольной волей отдадите свои силы людям, коллек-тиву людей, обществу.

— Друг мой! — с пылом, но сдерживая нарастающее раз-дражение, воскликнула Нина. — Неужели вы думаете, что

я, христианка, не работаю для общества? Моя вера зовет меня, толкает меня, приказывает мне быть среди униженных и оскорбленных. И по мере сил я — с ними. А относительно фетишизма — у меня свой фетиш, у вас — свой.

— У меня — народ.

— У меня тоже.

— У вас муж, семья, сытая жизнь. Чрез голову богатства вам трудно наблюдать нищету, обиду эксплуатируемых.

— Вы желаете, чтоб я отказалась от семьи, от мужа, от богатства? Вы очень многого требуете от меня, Протасов.

— Если не ошибаюсь — ваш Христос как раз требует от вас того, от чего вы не можете отказаться. Значит, или слаб его голос, или слабы вы.

Они давно покинули сад, шли вдоль поселка, к его окраине. Смушенная Нина глядела в землю. Инженер Протасов смысл своих речей внутренне считал большой бестактностью и укорял себя за то, что затеял в сущности праздный, неприятный разговор.

Проходили мимо семейного барака. Четыре венца бревен над землею и — на сажень в землю. У дверей толпа играющих ребятишек с тугими животами.

— Я здесь никогда не бывала, — сказала Нина, — Я боюсь этих людей: все золотоискатели — пьяницы и скандалисты.

— Любовь к цветам и вообще к природе выводит человека за пределы его мира. Вот мы с вами сейчас в другом мире, не похожем на наш мир. Может быть, заглянем? — осторожно улыбнулся инженер Протасов.

И они, спустившись по кривым ступенькам, вошли в полуподземное обиталище. Из светлого дня — в барак, как в склеп: темно. Нинушибанул тлетворный, весь в многолетнем смраде воздух. Она зажала раздушенным платком нос и осмотрелась. На сажень земля, могила. Из крохотных окошек чуть брезжит дряблый свет. Вдоль земляных стен — нары. На нарах люди: кто по-праздничному делу спит, кто чинит ветошь, кто, оголив себя, ловит вшей. Мужики, бабы, ребятишки. Шум, гармошка, плевки, перебранка, песня. Люльки, зыбки, две русские печи, ушаты с помоями, собаки, кошки, непомерная грязь и теснота.

— Друзья! — сказала Нина громко. — Почему вы не откроете окон? Бог знает какая вонь у вас. Ведь это страшно вредно...

— Ах, вредно?! — прокричали с трех мест голоса. — Ты кто такая?

— Барыня это, барыня, — предостерегающе зашуршало по бараку, и шум стал смолкать.

— Ах, барыня? Нина Яковлевна? Добро! Садись, на чем стоишь. Вскородие, присаживайся и ты. Срамота у нас. Многолюдство... Вши. Не подцепите вшей. Они злобные, кусучие... Вон старик помирает в том углу. А эвот баба сейчас родить будет, мается. Да двенадцать человек хворые, простыли, все в воде да в воде, а Громов обутки не дает. Жадина!.. Уж ты, барыня, прости. Ты не в него, ты с понятием. Приклоняешься к нам, грешным...

Говорило одновременно человек десять. У Нины горели уши. Не знала, как и что ответить.

— Вот видишь:дохнем! — вырос пред Ниной пьяный, с повязкой по голове, бородач с красными больными веками. — Дохнем, пропадаем! Ты можешь вверх головой нашу жизнь поставить, чтоб по-людски? Не можешь? Ну, так и убирайся к черту.

— Яшка! Дурак! Что ты?! — набежали на него.

И Протасов сказал, сверкнув сузившимися глазами:

— Слушай, приятель... Будь человеком...

— Здорово, барин!.. Не заметил тебя. Темно. Мы тебя, барин, уважаем, ты сам в подчинении. А этих... — заорал он, размахивая тряпкой, — Громовых... Ух, ты!..

— Стой! Яшка, дурак!.. Не пикни! — снова налетели на него. — Ты Нину Яковлевну не моги обижать...

— Все они — гадючье гнездо... — И Яшка стал ругаться черной бранью. Его схватили, поволокли в угол. — Я правду говорю, — вырывался он. — Десятники нас обманывают, контора обсчитывает, хозяин штрафует да по зубам потчует. Где правда? Где Бог? Бей их, иродов! Бей пристава!

Нину прохватила дрожь. Ей хотелось кричать и плакать. Протасов кусал губы. Земляные стены, земляной, в хлюпкой грязи, пол. Возле стола, раздувая перепончатое горло,

пыхтела жаба. Девчонка гонялась за торопливо ползущим черно-желтым ужом, била его венником. Уж свертывался в клубок, шипел, страшал девчонку безвредным жалом.

— Палашка! Пошто животную мучишь?.. Я те! — грозилась седая, с провалившимся ртом старуха.

В углу, возле изголовья умирающего, баба зажигала восковые свечи. В другом углу роженица завывала диким воем.

По заплесневелым бревнам ползли ручейки.

Бородач Яшка разбушевался: опрокидывал скамьи, швырял чужие сундуки с добром. На него налегли, будто медведи, такие же пьяные, такие же озверелые, как и он сам:

— Яшка, что ты... А ну, ребята, вяжи его!.. Волоки в чулан...

К общей ругани присоединила свой громкий плач орава детворы. Стонавшая роженица разразилась таким жутким непереносимым ревом, что Нина, заткнув уши и вся содрогнувшись, выскочила вон и с жадностью, как освободившись от петли, стала вдыхать свежий воздух.

— Теперь пойдемте в другой барак, к холостякам.

— Благодарю вас... Довольно.

«Прохор! Я совсем не получаю от тебя писем. Конторе ты послал пятьдесят две телеграммы, мне — ни звука. Чем это объяснить? Молчат и папа с Груздевым. Пьянствуете, что ли? Вчера я с Андреем Андреевичем побывала в бараке № 21. Обстановка хуже каторжной. Она вызывает справедливый укор хозяину, низведшему людей до состояния скотов, и нехорошие чувства к этим самым людям-рабам, которые способны переносить такую каторжную жизнь и терпят такого жестокосердного хозяина, как ты. Прости за резкость. Но я больше не могу. Я приказала партии лесорубов заготовить материалы для постройки жилых домов, просторных и светлых. Уж ты не взыщи. Делу не убыток от этого, а польза. В крайнем случае половину расходов принимаю на себя. Я больше не могу. Я не хочу участвовать в таком преступном отношении к человеческим жизням. Не сердись, пойми меня и, поняв, прости.

Нина».

Через одиннадцать дней, как отзыв на письмо, получились две телеграммы. На имя инженера Протасова:

«Лесорубам продолжать заготовку бревен для сплава. Никаких барачков не строить. Посторонних вмешательств в ваши распоряжения не допускать.

Громов».

На имя Нины Яковлевны:

«Живы-здоровы. Занимайся дочерью и яблоками. Мерехлюндию оставь при себе. Тон письма новый. Догадываюсь, кем подсказан. По приезде поговорим. До свидания.

Прохор».

А вскоре за этими телеграммами были получены от Иннокентия Филатыча по двенадцати адресам местной знати двенадцать номеров «Биржевки».

Все много смеялись. Анна же Иннокентьевна целую неделю ходила с заплаканными глазами.

3

Прохор Петрович Громов давно известен коммерческим кругам Петербурга. Опытные капиталисты, предсказывая Прохору блестящую судьбу, открывали ему неограниченный кредит. Наиболее тароватые просились в пай. Ведь в Сибири непочатый угол богатств, ему одному не совладать. Но Прохор Петрович предпочитал делать жизнь особняком, он ни в ком не нуждался. Пусть фирма «Прохор Громов» будет греметь на всю Россию. А пройдут сроки, может быть, и кичливая заграница поклонится его делам.

Да оно к тому и шло. Щетина, конский волос, мед, драгоценные меха направлялись Прохором непосредственно в Дандиг, Гамбург, Ливерпуль. Впрочем, и на долю России оставалось много. С московской фирмой он заключил выгодную